

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2018 – 2019 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Даниил Гранин

До поезда оставалось три часа

Они не знали, где тут центр, но спрашивать не хотелось.

Шли куда глаза глядят, разморенные сытным обедом в привокзальном ресторане, глаза на витрины, на незнакомый город, высвеченный лёгким осенним солнцем.

Последние две недели они работали как проклятые, исправляя всякие недоделки нового пульта. Объект находился в лесу, километров за двести отсюда. Ночевали в переполненном общежитии на раскладушках и теперь, когда всё осталось позади, испытывали приятную расслабленность.

Филенков шумно зевнул, он предпочёл бы вместо этой прогулки растянуться на скамейке в зале ожидания. Гуреев этого не понимал. Гуреев был молод и любопытен и считал, что надо пользоваться каждым случаем, чтобы осматривать новые места и расширять кругозор.

Перейдя мост, они очутились на людной площади, заполненной экскурсантами, туристскими автобусами. Гуреев отщелкнул футлярчик фотоаппарата и принялся снимать площадь, выложенную белыми плитками, и Филенкова на фоне какой-то башни. Потом Филенков фотографировал его, потом попросил проходившую мимо девушку щёлкнуть их обоих. Девушка эта, в круглых чёрных очках, в модно расшитой куртке, выглядела совершенно недоступной, и Гуреев с любопытством наблюдал, как уверенно Филенков заговорил с ней. На заводе Филенкова считали сухарём, малообщительным, угрюмым, у женщин успеха он не имел. Сейчас самого Филенкова несколько удивила собственная развязность. С ним давно этого не бывало. Гуреев подстрекающе толкнул его в бок, и Филенков все с той же уверенностью, даже лениво-нахальной, попросил показать им город. Осматривать город он не собирался, куда с бóльшим удовольствием прошёлся бы по магазинам, но удержаться он уже не мог. Ему приятно было щегольнуть перед Гуреевым своей удачливостью.

Надменность, с которой эта девица оглядела их, нисколько его не смутила. Он лихо, заговорщицки подмигнул ей, и она вдруг фыркнула, сняла очки, и глаза у неё оказались голубенькие, в коротких жёлтых ресничках.

— Поля, — представилась она, протянув пряменькую, щепочкой, ладонь.

Она повела их в узенькие старинные, мощённые булыжником улочки с каменными тумбами, настенными фонарями. Дома здесь не имели подъездов. Во дворах цвели громадные лопухи. Поддразнивая Гуреева, Филенков взял Полю под руку. Уютный, тёплый сгиб её локтя почему-то располагал Филенкова к шуткам, и все шутки у него получались, ему помогала какая-то весёлая беспечность, терять было нечего: да — да, нет — нет. Он даже подумал, что вот ничем не отягощённая, неизбежная краткость таких знакомств и привлекает женщин. Так было всегда, со времён входящих в город эскадронов улан или гусар, всяких путешественников, купцов, а сейчас их заменяют командированные люди, и он с Гуреевым тоже вроде гусар. Гусары-телемеханики. Он рассмеялся.

— Что вы? — спросила Поля.

— Так.

— Смешинка в рот попала? И совсем вы не слушаете меня.

Они шли кривой улочкой, где узкие, стиснутые дома дышали друг на друга кухонным чадом. Варились щи, жарился кофе, пахло тушёным мясом, луком, в чреве домов вкусно урчало, шипело, и Филенкову нравилось различать запахи, и было приятно, что он — грузный, лысеющий, которому уже за сорок, — удачливее молодого, пижонистого Гуреева.

Улочка непредвиденно виляла. Филенков загадал, куда она выведет. Почему-то он представил не площадь, не проспект, а каменную арку и за ней — угол белого собора. Теперь они шли гуськом. Гуреев — впереди, за ним — Поля и Филенков. В подворотне розового дома одна створка ворот была притворена. Гуреев остановился, рассматривая кованые узоры ворот.

— Художественная работа, — сказал он. — Что значит старые мастера!

Его круглое личико с длинными рыжеватыми баками показалось Филенкову напыщенно смешным.

— А канализации небось нету, — сказал Филенков. — Уборная во дворе. Старина, брат, хороша в музеях. — И он усмехнулся Поле.

Она с готовностью согласилась.

— Давайте я вам лучше новый выставочный зал покажу.

— Вот это правильно, — сказал Филенков.

Улочка еще раз свернула и внезапно оборвалась низкой каменной аркой. Сквозь её полукружье Филенков, замирая, увидел острый угол, вернее, уступ собора. Расположение, вся картина точно сходилась с тем, что Филенков загадал. Правда, собор был не белый, а жёлтый с коричневым, но всё равно такого совпадения быть не могло. Он видел это где-то, когда-то он видел это место...

— Спасский собор, — сказала Поля. — Его восстановили. Когда я в школе училась, мы тут шампиньоны собирали во дворе.

«Да, да, — повторял про себя Филенков, — Спасский.»

Он осторожно посмотрел влево: вниз под гору сбегал переулочек, усыпанный палым листом, и там, в конце, холодно блестела река. И это он тоже знал. Он видел это, казалось бы, впервые, и тем не менее знал, что тут есть улица, которая спускается к реке.

— Да, да, — произнес он вслух.

— Что это с вами? — спросил Гуреев.

— Подожди, — буркнул он.

Они о чём-то заговорили между собой, Поля и Гуреев, а Филенков растерянно оглядывался, ничего не понимая.

Внезапно его лицо, шею охватило жаром: господи, да ведь он жил здесь! Когда-то. В детстве. Название этого города вдруг совместились с полузабытыми рассказами матери. Родители привезли его, когда ему было полгода, и они жили тут с год, а то и больше. Мать, ещё девушкой, часто жила здесь у родных, и здесь произошёл её роман с отцом: они случайно встретились. Она была совсем девчонкой, а отец был женат — сколько ж ему было? Он бросил свою семью и остался с ней, нет, не то, он увёз её. Или остался? А потом, когда родился сын, они приехали сюда и поселились, затем что-то произошло с матерью, отец запил. Затем ещё что-то случилось, и они уехали отсюда и больше не возвращались. Что же случилось, что-то очень важное, — когда родители вспоминали об этом, отец брал мать на руки, и они чему-то смеялись. «Кошкины вы дети!» — кричал дядя Тётя... Господи, ведь был же дядя Тётя, пузатый, перепоясанный ремнями старик.

Филенков ужаснулся тому, что только сейчас вспомнил этого человека, который без конца с ним возился, сразу вспомнился его огромный мягкий живот и как они ползали по его животу вместе с Ленкой. О Ленке он тоже никогда не вспоминал, она умерла совсем маленькой... Беззубый рот... И голубенькие глазки, как у Поли.

Он всматривался в соседние дома, как бы примериваясь. Если это место сохранилось в памяти, значит, они жили где-то здесь, поблизости, может, на той кривой улочке, и там ещё остались люди, которые знали его родителей. Но как их найти? И спросить не у кого.

Когда-то, давным-давно, пришло письмо о смерти тётки, маминой сестры. Кажется, отсюда пришло. А может, и не отсюда. Сейчас не вспомнить. Ему всегда было это ни к чему...

Он стоял, боясь пошевелиться, — смутные, зыбкие фигуры каких-то родственников, отцовских друзей появлялись перед ним, еле уловимые очертания, чьи-то пахнущие тмином губы, чья-то холщовая косоворотка с орденом, высокие белые бурки... Может, кто-то из них ещё жив, но он, Филенков, никого не знает, все они затерялись в его детстве. Не осталось ни одной фамилии. Как же это так, ведь было же столько народу, всегда в доме шумели, пели, кто-то ночевал, спали на полу, на стульях, откуда-то приезжали какие-то военные, какие-то полярники в длинных блестящих шубах...

Поля дёрнула его за рукав.

— Что же вы, ругали старину, а сами оторваться не можете, — подколола она и хихикнула, и Гуреев тоже усмехнулся.

— Вот и не угадали, — рассердился Филенков, — я совсем о другом размышляю, пора снести эти развалюхи. — И тотчас стало стыдно, он не мог понять, зачем он врёт, зачем он идет с ними в этот выставочный зал, вместо того чтобы остаться здесь.

— Вот мой дом, — показала Поля.

— Ваши родители живы? — спросил Филенков.

— Конечно.

— А они всегда здесь жили?

— Нет, раньше мы жили за мостом, а ещё раньше — где-то на хуторе. Не знаю, я была совсем маленькая. А что?

Филенкову нечего было ответить, и он похвалил выставочный зал, оттуда они спустились в кафе, долго сидели там. Филенков томился, не понимая, чего ради он тут сидит, почему не может встать, вернуться к собору, спуститься к реке. Всё равно они через час уедут, и вся их игривая болтовня с Полиной лишена смысла.

— Я ведь тут жил, — вдруг сказал он. — Когда был маленький.

Они посмотрели на него и почему-то засмеялись.

— Как же вы забыли? — без интереса спросил Гуреев.

— Начисто, — смущённо сказал Филенков.

Гуреев и Полина переглянулись.

— Да, бывает, — сказал Гуреев снисходительно. — Постфактум.

— При чём тут... а впрочем, это как в одном анекдоте... — И Филенков стал рассказывать старый анекдот, рассказывал он плохо, у него уже ничего не получалось, он злился, стараясь вернуть тот лёгкий, беспечный настрой, и не мог.

По дороге к вокзалу Филенков сказал:

— Вы идите, я вас догоню.

Он свернул в магазин, переждал и, когда они скрылись, поспешил к собору. Времени оставалось в обрез. Вдобавок путаница переулков увела его в сторону. Колокольня собора, освещённая вечерним солнцем, выныривала то слева, то справа. От быстрой ходьбы у него закололо сердце. Лицо вспотело, он видел кончик своего носа — тускло-белый, парафиновый, понимал, что следует передохнуть, но не останавливался — будь что будет, так ему и надо... Глупо всё получилось, на кой чёрт ему эта выставка, надо было не торопясь, одному осмотреть дом за домом на кривой улочке... Теперь уже поздно.

У собора стояло такси, Филенков сразу сел в машину и попросил водителя немного постоять.

Он снял кепку, вытер пот, без особого чувства посмотрел сквозь пыльные стекла на каменную арку, на спуск к реке, ожидая, что снова что-то внутри приоткроется, начнут появляться другие забытые подробности. Но он слышал лишь, как громко кровь стучала в голове, а снаружи, обгоняя этот стук, бешено тикал счетчик такси. Ничего не отворялось, и он понимал, что вряд ли подобное когда-либо с ним повторится. Теперь хотелось немного: всего лишь узнать дом, где они жили. Кажется, там был каменный колодец. А может, он путает... Он взглянул на часы.

— Поехали...

И закрыл глаза. Как глупо, глупо, повторял он, сколько раз он мог приехать сюда с матерью, пока она была жива. Ничего не стоило приехать, она бы показала и этот дом, и колодец, и всё остальное... Кто знает, может, это что-то изменило бы в его жизни. Ему казалось, что он стал бы лучше, больше бы в нём сохранилось от отца.

Впервые он ощутил как потерю годы, не заполненные тоской по матери, воспоминаниями детства. Прошлое никогда не занимало его, он выбрасывал его, как выбрасывают старые календари, прошлое было бесполезно, имело смысл заниматься только будущим.

Теперь, когда он попробовал вернуться назад, там оказалось пусто. Всё заглохло, заросло, не осталось никаких следов. И это непоправимо — вот что ужасно.

На перроне вдоль мокрых, только что обмытых синих вагонов прогуливались Гуреев и Поля. Рука Гуреева лежала у нее на талии, он наклонялся и что-то шептал, прижимаясь к её щеке.

Вокзал был старый. Стеклянные своды темнели в вышине несмываемой копотью. Висел бронзовый колокол. Филенков представил, как мать здесь провожала отца, они так же прогуливались, и мать боялась, не верила тому, что он вернётся. Почему-то он никак не мог вообразить их обоих молодыми, а видел странно: отца — молодым, с браво

закрученными усиками, а мать — седую, с распухшими ногами. От этого сочетания его томила жалость к ним, особенно к матери.

И вдруг он почувствовал, как любит мать. То есть любил. Нет, именно любит так, как прежде не любил. Сейчас любит, когда матери нет и ничего исправить нельзя. В том-то и тоска, что ничего не изменишь, и запоздалое это чувство будет только напрасно саднить душу, — он всё это понимал и в то же время боялся, что оно, это чувство, пройдёт.

В поезде Гуреев со вкусом рассказывал, как Полина приглашала заходить, когда они ещё раз приедут, дала телефон и вообще... если бы времени было побольше...

— Но лично я предпочитаю новые места, — заключил он.

Филенков лежал на полке, прислушиваясь к своему сердцу. Боль уходила медленно, неохотно. «Беречь себя надо, беречь», — думал он.

...Когда в следующий раз нужно было проверить новую серию пультов, Гуреев упросил послать их не на прежний объект, а под Новгород, там монтировали большой комбинат на берегу Ильменя и можно было хорошо порыбачить. Филенков не возражал, тем более что он никогда не бывал в тех местах.

1973

Комментарии:

Гранин Даниил Александрович (1919–2017) – писатель, киносценарист, общественный деятель. Ветеран Великой Отечественной войны. Рассказы печатал с 1937 года. Автор романов, исторических повестей, биографических книг, эссе. Являлся руководителем Ленинградского отделения Союза писателей СССР.

Ильмень – озеро около Великого Новгорода.

Полина Барскова

Счастье

Душа хотела б быть горшком,
Вернее тем, что станет скоро
Горшком, — полешком, кочешком
Кроваво-бурой глины. Свора
Взбешённых пальцев глину — хватъ!
И — раз! на колесо, на дыбу,
И начинает рвать и мять
Неподдающуюся глыбу.
Но, сжалившись или смекнув,
Что пряник действенней, чем кнут,
Подносит к гордой глине губку.
Сочится мутная вода,
И глина поддаётся: «Да...» —
В ладони, словно в мясорубку,
Вползая. Чавкает педаль,
Глаза закрыты. Под руками
Живая, тёплая печаль
Отдавшейся насилью ткани.
Но я не доктор Борменталь
И даже не Мария Шелли.
О палаче иль акушере
Речь не идёт. Гончар — тире —
Гончар и есть. Он только руки.
Он существует только в круге
Вертящемся. И в букваре
Не ходит дальше хмурой Буки.
Ему не нужен властный Ведь,
Не говоря уж о Глаголе.
Круг будет гнать, дышать, вертеть
Гончар, послушен низшей воле
Ножного привода. Гончар,
Как нелюбимый, но влюблённый,

Посредством примитивных чар
Вторгается в тугой, укромный,
Ещё насмешливый комок,
И тот, за кругом круг, помалу,
Доверившись его обману,
Преображается в горшок.
Движенье лески — завтра в пещь
Горшок отправится, как отрок.
И станет — Космос, то есть Вещь,
Полезная для злых и добрых.

2001

Комментарии:

Барскова Полина Юрьевна – поэт и филолог. Живёт в США, преподаёт в Хэмпшир Колледже. Первую поэтическую книгу выпустила в 1991 году, лауреат Премии Андрея Белого.

Мэри Шелли – автор книги «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).